

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Народные принципы организации казачьих рыбных промыслов в Приазовье и Прикаспии*М. А. Рыблова*

Для цитирования: Рыблова М. А. Народные принципы организации казачьих рыбных промыслов в Приазовье и Прикаспии // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 3. С. 778–792. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.314>

В статье предпринят анализ данных периодической печати и материалов обследований состояния рыбных промыслов в казачьих войсках на территории Приазовья и Прикаспия в середине XIX — начале XX в. На основе анализа определены народные принципы организации промыслов и стоящие за ними мировоззренческие установки. Несмотря на участие в организации промыслов официальных структур, в их основу были положены собственно народные представления о правильном пользовании природными ресурсами и их справедливом распределении. Во всех казачьих войсках, за исключением Уральского, происходил постепенный переход от вольного пользования водными ресурсами к уравнительно-передельному с учетом интересов только казачьего населения региона, а также казачьих вдов и сирот. В Уральском казачьем войске до начала XX в. сохранялись древние принципы пользования водными угодьями, основу которых составляли представления о равных возможностях всех участников промыс-

Марина Александровна Рыблова — д-р ист. наук, гл. науч. сотр., Южный научный центр РАН, Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41; вед. науч. сотр., Волгоградский государственный университет, Российская Федерация, 344006, Волгоград, пр. Университетский, 100; ryblova@mail.ru

Marina A. Ryblova — Dr. Sci. (History), Chief Researcher, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 41, pr. Chekhova, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; Leading Researcher, Volgograd State University, 100, pr. Universitetsky, Volgograd, 344006, Russian Federation; ryblova@mail.ru

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН (проект № АААА-А20-120122990111-9) «Население Нижнего Дона в межэтнических и межкультурных коммуникациях: история и современность».

The work was carried out within the framework of the implementation of the state task of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (project no. ААААА20-120122990111-9) “The population of the Lower Don in interethnic and intercultural communications: history and modernity”.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

ла. При распределении рыбного улова основополагающими были народные представления о коллективной доле и ее символическом распределении путем выделения трех основных «кусков»: царского (на Урале), церковного и на помин умерших, а также для «обездоленных» категорий казачьего населения (во всех войсках). Проявляли казацки сообщества чрезвычайную заботу и о сохранности рыбных ресурсов, определяя сроки лова, типы орудий, вводя множественные запреты и предписания. Организация некоторых видов рыбной ловли в регионе находит аналогии с организацией военного казачьего промысла, добыча от которого также делилась по особым правилам с выделением части ее для церквей и для предводителя (даже в том случае, если он не участвовал в деле). Несмотря на внешнее вмешательство, народные принципы организации рыбных промыслов сохранялись у казаков Приазовья и Прикаспия в течение всего имперского периода их истории, отражая собственно народную картину правильно и справедливо организованной жизни.

Ключевые слова: рыбный промысел, казацки территории, народные принципы и мировоззренческие основы организации промыслов.

Folk Principles of the Organization of Cossack Fisheries in the Azov and Caspian Regions

M. A. Ryblova

For citation: Ryblova M. A. Folk Principles of the Organization of Cossack Fisheries in the Azov and Caspian Regions. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 3, pp. 778–792. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.314> (In Russian)

The article reveals the folk principles of the organization of fisheries and the worldviews behind them in the Cossack communities of the Azov and Caspian regions in the imperial period of their history. Despite the participation of official structures in organization of industries, they were based on the people's own ideas about the proper use of natural resources in which human labor was not invested, as well as about their fair distribution. In the first case, in all Cossack troops, with the exception of that of the Ural, there was a gradual transition from the free use of water resources to an equalizing transfer, which took into account only the interests of the Cossack population of the region, and Cossack widows and orphans. In the Ural Cossack army, until the beginning of the 20th century, the ancient principles of using water lands were preserved, the basis of which was the idea of equal opportunities for all participants in the fishery. When distributing the fish catch, the people's ideas about the collective (communal) share and its symbolic distribution were fundamental, which involved allocating three main "pieces": to the tsar (in the Urals), to the church and for the commemoration of the dead, as well as to the "disadvantaged" categories of the Cossack population (in the whole army). The Cossack communities also showed extreme concern for the safety of fish resources determining the timing of fishing, types of tools, and introducing multiple prohibitions and regulations. The organization of some types of fishing in the region shares some principles with the military organization of Cossacks.

Keywords: fishing, Cossack territories, folk principles and ideological foundations of the organization of fisheries.

Рыболовство было традиционным видом хозяйственной деятельности всех казачьих сообществ, сформировавшихся исторически на Юге России. В XIX столетии в одних казачьих войсках рыбный промысел был основой хозяйства (например, у уральских казаков), в других — имел важнейшее значение (у астраханских

и волжских казаков), у некоторых — находился в положении подсобного по отношению к земледелию и скотоводству. У донских казаков рыбной ловлей занимались по всему течению Дона и его притокам, сочетая ее с сельским хозяйством, но особое значение этот промысел имел в низовьях Дона, где он нередко был единственным видом хозяйственной деятельности.

Все казачьи сообщества имели привилегию вольной (безоброчной) рыбной ловли на своих территориях, но при этом были и особенности в организации промысла в разных войсках, а также разная степень «казенного» (государственного и ведомственного) вмешательства в эти процессы. Можно предположить, что, несмотря на наличие на казачьих территориях внешнего контроля за рыбными промыслами, роль в них обычно-правовых норм и народных мировоззренческих представлений была весьма значительной.

Впервые задачу выявления именно древних общинных основ организации хозяйственной деятельности русского народа сформулировал один из основателей отделения этнографии Русского географического общества Н. И. Надеждин. Говоря о том, что в основе всех видов хозяйственной жизни русских лежит «живая картина общинных работ», он отмечал, что в наибольшей степени она сохранилась, например, в Сибири при организации сенокосов и на Урале при общественной рыбной ловле¹. Представляется весьма значимым сделанное Н. И. Надеждиным соотнесение таких видов общественных работ, как рыбная ловля и сенокосение, предполагавших коллективное пользование готовыми природными ресурсами, не связанными с вложением в них человеческого труда.

К сформулированным Н. И. Надеждиным проблемам впоследствии обращались многие исследователи промысловой деятельности русского населения Юга России и Урала. Так, Н. Я. Данилевский поставил перед собой задачу показать, как в системе «живых общинных работ» уральских казаков соотносятся законы писанные (а также различные административные меры) и законы обычая, то есть нормы обычного (народного) права, которые он называл «свободным казацким рыболовным законодательством»². Вообще в трудах многих исследователей XIX в. (М. Н. Харузина, П. И. Небольсина, И. И. Михайлова, Н. А. Хорошхина, Н. А. Бородин и др.) можно найти освещение вопросов, связанных с народными основами промысловой деятельности русского населения Приазовья и Прикаспия³, однако лишь в рамках отдельных казачьих войск.

В советское время этнографические изучения казачьего населения России были практически свернуты, в это время выходили лишь работы, освещающие исторические и социально-экономические аспекты рыболовства на Юге России. Значитель-

¹ Надеждин Н. И. Об этнографическом изучении народности Русской // Записки Русского Географического Общества. Кн. I–II. СПб., 1849. С. 177.

² Данилевский Н. Я. Краткий очерк уральского рыбного хозяйства // Сборник политических и экономических статей Н. Я. Данилевского. СПб., 1890. С. 452.

³ Данилевский Н. Я.: 1) Описание уральского рыболовства // Исследование о состоянии рыболовства в России: в 9 т. Т. III. СПб., 1860; 2) Описание рыболовства на Черном и Азовском морях. СПб., 1871; Михайлов И. И. Астраханские ловцы // Библиотека для чтения. 1856. Отд. I. С. 135–192; Гримм О. А. Каспийско-Волжское рыболовство. СПб., 1896; Бородин Н. А.: 1) Кубанское рыболовство, его современное положение и нужды. СПб.; 1904; 2) Уральские казаки и их рыболовства. СПб., 1901; Хорошхин Н. Краткое описание рыболовств Уральского казачьего войска. СПб., 1902. С. 27–28; Кузнецов И. Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. СПб., 1901.

ное количество работ, направленных на исследование рыбных промыслов на Юге России, появилось в конце XX — начале XXI в.: Н. Н. Великой и О. Б. Емельянова, А. С. Кузнецовой, М. В. Семенцова, М. И. Куманцева, А. М. Дубовикова и др.⁴ В 2013 г. вышел специализированный номер журнала «Этнографическое обозрение», посвященный этой теме. В нем были опубликованы статьи, в которых исследовались экологические, экономические и правовые аспекты организации рыболовства на Юге России⁵, выявлялась его роль в хозяйственной жизни гребенских, донских и волжских казаков⁶, определялась роль рыболовного промысла в формировании этнографического своеобразия населения региона⁷. Т. Ю. Власкина в опубликованной в этом журнале статье выявляла мировоззренческие установки рыбацкого сообщества дельты Дона, отраженные преимущественно в полевых записях 2003 и 2011 гг. и отражающие ситуацию современного упадка рыбного промысла на Дону.

Выявлению народных основ и мировоззренческих принципов организации рыбного промысла у казаков посвящена и настоящая статья, однако ее проблематика и территориальные рамки расширены: будут исследованы казачьи сообщества (войска), территория проживания которых связана с Приазовьем и Прикаспием (донские, терские, уральские и кубанские казаки). В жизни этих сообществ рыболовство в дореволюционное время играло значительную роль и во многом определялось архаичными казачьими традициями. Расширение территориальных рамок исследования обосновано намерением автора выяснить общие принципы, а также специфику организации лова и связанных с ним народных представлений, характерных для разных казачьих сообществ.

Народные принципы пользования рыбными угодьями

Наиболее ранние формы пользования водными угодьями и рыболовными ресурсами представлены в традиции уральских казаков. Первоначально в Уральском

⁴ *Великая Н. Н., Емельянов О. Б.* О причинах упадка рыболовства в казачьих станицах Терского левобережья в первой в первой половине XIX в. // История и культура народов Северного Кавказа. Вып. 3. Пятигорск, 2005. С. 69–76; *Семенцов М. В.* Материалы по историческому природопользованию кубанских казаков (II половина XIX — начало XX в.) // Кубанский сборник. 2008. Т. 3 (24), ч. I. С. 73–118; *Дубовиков А. М.* Рыболовство как исторический феномен в повседневной культуре уральского (яицкого) казачьего войска // Вестник Саратовского государственного технического университета. № 4 (60), вып. 2. Саратов, 2011. С. 273–280; *Кузнецова А. С.* Становление и развитие азовских рыболовных промыслов на Кубани (XVIII–XX вв.). Славянск-на-Кубани, 2009; *Южакова Т. Л.* Традиции в рыболовстве казачества на реке Урал (рубеж XIX–XX веков) // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 4 (29). С. 67–70; *Матишов Г. Г., Власкина Т. Ю., Венков А. В., Власкина Н. А.* Социально-исторический портрет дельты Дона: казачий хутор Донской. Ростов-на-Дону, 2012; *Куманцов М. И.* Возникновение и развитие рыболовства Северного Причерноморья: в 2 ч. Ч. 1 (от древности до начала XX в.). М., 2011; *Годдова Е. В., Кабытов П. С.* Рыбный промысел в повседневной жизни казаков (вторая половина XIX — начало XX в.) // Вестник Самарского университета. История. Педагогика. Философия. 2017. Т. 24, № 4. С. 12–16.

⁵ *Ямсков А. Н., Власкина Т. Ю.* Рыболовецкие сообщества и традиционное рыболовство на казачьем юге России // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 3–13.

⁶ *Курьшиев А. В.* Рыбный промысел у казаков Волжского войска // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 21–28; *Великая Н. Н.* О роли рыболовства у гребенских казаков в дореволюционный период // Там же. С. 28–36.

⁷ *Власкина Т. Ю.* Природные и социальные доминанты формирования этнографического своеобразия рыболовов донской дельты (XVIII–XXI вв.) // Там же. С. 36–53.

войске не было никаких ограничений в этой сфере, однако по мере увеличения количества промысловиков и масштабов рыболовства войско стало вводить правила, за соблюдением которых строго следили. Так, с начала XIX в. постепенно формировалась система уральского войскового рыболовства, главной целью которой было уравнивание прав в промысле всех без исключения казаков: «Для того, чтобы по возможности каждый общинник имел одинаковые шансы на улов, были установлены общие для всех казаков правила рыболовства с точным определением места, времени и орудий ловли и устройением найма работников»⁸. Главенствующую роль в организации рыбных промыслов на Урале играло войско, представленное войсковой канцелярией, которая жестко ограничивала любую частную инициативу и даже инициативу отдельных станичных обществ, исходя из того, что они могут расстроить четко работающий механизм⁹.

Характерным примером постепенного перехода от «своеволия» в пользовании рыбными ресурсами к строгому регулированию его всем казачьим войском может служить история сооружения учугов (плотинообразных сооружений) на р. Яик (Урал), которые ограничивали выход рыбы осетровых пород из Каспийского моря. Первый учуг был установлен войском в районе Яицкого городка, второй — купцами Гурьевыми — неподалеку от города Гурьева. Купцы были практически полновластными пользователями рыбных ресурсов в дельте реки и прилегающей территории Каспия. Однако в 1753 г. Гурьевский учуг был уничтожен, и это событие знаменовало утверждение собственно казачьей системы пользования рыбными ресурсами на Яике, которая в наибольшей степени известна нам по материалам второй половины XIX в.

В это время находившиеся в пользовании всего Уральского войска воды Урала не были разделены на участки ни между частными лицами, ни между станицами. Такая ситуация давала возможность казакам, живущим в Гурьеве, отправляться в Уральск для участия, например, в лове рыбы путем багрения (на льду реки), а проживавшим в Уральске и поселениях выше по реке — спускаться вниз до самого Каспия весной, ловить рыбу в море¹⁰. Н. Я. Данилевский признавал такой способ пользования угодьями самым законным и справедливым по отношению к дарам природы, которые не связаны с участием человека в их преумножении, а также отмечал, что такой порядок не существовал более нигде, кроме Урала¹¹.

Отмечу, что в таком порядке реализовывался древний народный принцип организации социальной и хозяйственной жизни, основанный на предоставлении равных возможностей членам казачьих сообществ и предотвращении социальной несправедливости (за счет ограничения чрезмерной инициативы отдельных лиц). Существование же такого пользования речными угодьями на Урале было связано с двумя факторами: отсутствием жестких внешних (государственных и ведомственных) ограничений и древними традициями казачьего самоуправления, положенными в основу поздних казачьих общин, в которых социальная справедливость понималась не как всеобщее равенство, а как равные условия в реализации своих возможностей.

⁸ Цит. по: Дубовиков А. М. Рыболовство как исторический феномен... С. 277.

⁹ Там же. С. 276.

¹⁰ Данилевский Н. Я. Описание Уральского рыболовства. С. 45.

¹¹ Там же.

В Терском казачьем войске пользование принадлежавшими ему морскими и речными водами прошло своеобразную эволюцию. Первоначально здесь было утверждено вольное и общее пользование речными и морскими ресурсами. Впоследствии, осознав невозможность существования «безобидной» для станичных обществ и офицеров системы, войско осуществило разверстку следующим образом: морские воды остались общим достоянием всего войска (с правом сдачи в аренду отдельных участков), воды рек ниже Кизляра были распределены преимущественно между офицерами, а прочие вошли в юртовые наделы отдельных станиц¹². Как видим, здесь основным принципом введенных изменений стал также социальный, но с учетом происходящих трансформаций: войско пыталось сгладить возможную несправедливость в пользовании речными угодьями путем выделения особого «куска» офицерам без существенного ущерба для станичных обществ.

Водные наделы отдельных станиц на Тереке были разделены на паи, под которыми подразумевалось право участия в лове рыбы каждого взрослого казака станицы. Владелец пая мог продать его или передать другому лицу. При организации промысла руководствовались тем, что в каждом виде рыболовства может участвовать определенное количество паев: ловить неводом могли только четыре пая, в сетный лов на каюках объединялись три пая и т. д. Доли пая выделялись также несовершеннолетним, вдовам и сиротам¹³.

О мировоззренческих основах пользования рыболовными угодьями может свидетельствовать бытовавшая у терских казаков традиция коллективного пропоя денег, вырученных за сдачу некоторых станичных вод (*яров*) в аренду. По «укоренившемуся обычаю», арендаторы яров выставляли станичникам от одного до нескольких ведер водки, которую наливали в большую кадучку на станичной площади. Обычно «коллективный пропой» устраивали на Масленичной неделе, а руководили процедурой старые казаки. По свидетельству описавшего этот обычай И. Д. Кузнецова, нередко такие общественные агулянья заканчивались «бранью, ссорами и даже драками»¹⁴, однако не исключено, что в действительности имеются в виду масленичные кулачные бои, которые семантически были связаны с народными представлениями о переделе общей доли (понимаемой нередко и как жизненная сила) в период важнейшего календарного праздника. Трата денег за сданные в аренду речные угодья на «коллективный пропой» также может трактоваться как их поступление в общую долю станичной общины и новый символический ее передел.

На Дону в ранний период казачьей истории существовало вольное пользование любыми природными угодьями (лесными, водными, пахотными и сенокосами), которыми пользовались все казаки «без различия»¹⁵, однако по мере перехода донцов к оседлому образу жизни стали осуществляться так называемые станичные межевания — определения границ между поселениями, в том числе — и водных. Если станицы располагались по обе стороны Дона, то границу «прорезывали» не

¹² Кузнецов И. Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. С. 4–5.

¹³ Там же. С. 20, 24

¹⁴ Там же. 25–26.

¹⁵ Тимощенков И. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы // Труды Области войска Донского статистического комитета. Вып. 2. Новочеркасск, 1874. С. 145.

только посуху, но и по воде, выделяя таким образом каждому поселению свой «речной пай».

Е. Кательников так описывал этот старинный обряд: «Старики для границы прорезывали воду через Дон. Они полагались в общую правду на одного молодца, чтоб от насеченной грани при берегу одной стороны Дона, и где выплывет, там назначали и рубеж. Делали крепко, чтоб никто неведением не отговаривался, что “общая правда” плыл не в том, а в другом месте»¹⁶. Когда молодец, называемый «общей правдой», плыл через реку, то зависел преимущественно от силы ее течения. Таким образом, выделение водных речных владений донских станиц отдавалось «на волю волн» (куда вынесет). Этот обычай навеивает параллели с народными практиками определения места для строительства церкви: ее могли поставить там, куда прибывало водой специально пущенные по реке икону, плот или дерево. Во всех этих ситуациях (включая межевания на Дону) наглядно просматривается отношение к речной воде как к медиативному пространству: и разделяющему, и связывающему свой и чужой берега. Отмеченный молодцем — «общей правдой» — знак границы на реке уже не мог быть оспорен противоположной стороной, а воспринимался как знак свыше.

Что касается распределения водных ресурсов в станичных владениях (юртах), то особенно четко этот процесс регулировался в низовьях Дона (в Приазовье), где рыбный промысел был особенно прибыльным. Так, в станице Гниловской, по описанию М. Н. Харузина, казаки могли летом ловить рыбу в любом месте (в границах станичного юрта), а зимой действовал принцип у «всякого свое место». Если в летнее время к одному месту съезжалось несколько каюков, то соблюдалась очередность: «сначала бросает сеть один каюк, за ним другой, затем третий. Потом снова первый и т. д.»¹⁷. На зимней рыбалке свое место на льду нужно было «застолбить»: «Лишь только Дон покроется льдом, казаки отправлялись на реку, облюбовывали себе место и ставили тут какой-нибудь знак, после чего это место уже никто не трогал»¹⁸.

Показательно, что таким же образом «столбились» на Дону и места для сенокосов: «Каждый казак или артель казаков облюбовывали себе в степи место, где и сколько было угодно, скашивали по краям траву или же просто втыкали в землю прут, навязав на него клочек травы и, согласно обычаю, место это считалось для других неприкосновенным»¹⁹. Установка шеста являлась одним из традиционных способов «метки своей территории», принятой в мужских сообществах у самых разных народов — славянских и тюркских.

Как видим, у донских казаков первоначально также был распространен вольнозахватный способ пользования речными угодьями. Однако впоследствии от такого правила отказались, решив на станичных сборах в зимнее время всю поверхность замерзшего Дона поделить между общинниками поровну на пай путем жеребьевки, когда каждый казак получал свой *лёдный пай*²⁰. Не забывало станич-

¹⁶ Кательников Е. Исторические сведения о Верхне-Курмоярской станице, составленные из сказаний старожилов и собственных примечаний, 1818 года декабря 31 дня. Новочеркасск, 1886. С. 10.

¹⁷ Харузин М. Сведения о казачьих общинах на Дону. М., 1885. С. 63.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 2.

²⁰ Там же. С. 63.

ное сообщество и вдов: на их долю оставляли «часть Дона», а потом «продавали» ее с торгов, распределяя выручку «по усмотрению бедственности их». Наконец, еще одна «часть Дона» предназначалась на общинные нужды: ее также «продавали», а выручка поступала «в станичный капитал»²¹. Эту процедуру вновь можно соотнести с традиционным для казаков «растрясом лугов» — делением сенокосных угодий на паи по жребью. Если при дележе оставался нераспределенным небольшой кусок луга (меньше размера пая), то его могли, по решению станичного или хуторского «мира», продать желающему, а вырученные деньги полагалось потратить на водку и пропить ее сообща (*пропить остаток*)²². Здесь очевидны аналогии между пропоем остатка лугов, поступлением в «станичный капитал» выручки от продажи части вод Дона, а также пропоем денег, вырученных от аренды станичных вод-яров у терских казаков. Со временем во многих донских станицах стали делить речные ресурсы на паи не только зимой, но и для летнего лова рыбы²³.

Важнейшей задачей донского казачьего сообщества была борьба за отстранение от рыбного промысла так называемых иногородних. В 1822 г. Комитет по устройству Войска Донского, исходя из того, что было зафиксировано резкое снижение рыбных ресурсов в Дону, запретил лов рыбы всем категориям населения области, не относящихся к казачьему сословию, вытеснив таким образом иногородних из промысла²⁴.

Противостояние казаков и иногородних в рыбном промысле было характерно и для Кубанского войска. Здесь до середины XIX в. участие в рыбной ловле рядовых казаков было ограничено деятельностью откупщиков войсковых рыбных промыслов, не входивших в казачье сословие. Для ограничения их деятельности казаки обращались с протестами к «высшему начальству» (в том числе лично к царю), и в 1853 г. появилось «Высочайше утвержденное правило», по которому «право свободного рыболовства на водах, принадлежащих Черноморскому войску, предоставлялось исключительно лицам войскового сословия». Иногородние навсегда лишались права свободной рыбной ловли в пределах войска, им разрешалась только заготавливать купленную у казаков рыбу впрок и продавать ее. Пользование рыболовными водами также строго регламентировалось «Правилom» в соответствии с социальным статусом казаков («сообразно с чинами и военным положением»): генералу позволялось иметь пять неводных заводов, штаб-офицеру — четыре, обер-офицеру — три, а урядникам и рядовым казакам — по два²⁵.

Собственно народная инициатива по регламентированию пользования водными ресурсами проявлялась на Кубани в гораздо меньшей степени, чем в других войсках, и представляла собой обычно форму ходатайств к имперской власти²⁶. Тем не менее кубанские казаки активно проявляли себя при организации рыболовного промысла в общинных водах. Здесь самым распространенным видом пользо-

²¹ Там же. С. 64.

²² *Донец*. Общественное дело (из казачьей жизни) // *Донская жизнь*. 1909. № 166.

²³ *Харузин М.* Сведения о казацких общинах. С. 64.

²⁴ *Матишов Г. Г., Власкина Т. Ю., Венков А. В., Власкина Н. А.* Социально-исторический портрет дельты Дона. С. 91.

²⁵ *Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 2. С. 670–671.

²⁶ *Бородин Н.* Кубанское рыболовство... С. 42.

вания ресурсами было «вольное» (без деления вод на паи) и только «для домашних нужд»²⁷.

Традиции сохранения водных ресурсов

Переходя к вопросу о народных природоохранных мероприятиях в рыболовном промысле, следует отметить, что система эта была далека от идеальной, нередко нарушалась отдельными представителями станичных и хуторских сообществ, а также казачьими сообществами в целом. Тем не менее она заслуживает специального анализа. Особую заботу о сохранности рыбы проявляли уральские казаки. Весной принимались меры, охраняющие ход рыбы на нерест, а зимой — обеспечивающие ее отдых. Н. Я. Данилевский полагал, что нигде, кроме Урала, «не принято человеком таких мер, чтобы не мешать рыбе, во время ее входа в реку, и охранять ее покой»²⁸. Лов всякой рыбы запрещался на Урале с 26 мая (по окончании лова севрюги в р. Урал и весеннего морского рыболовства). Этот запрет длился до начала осенней плавни и осеннего морского лова рыбы. Причем сначала в это оговоренное время разрешалось ловить рыбу на простые удочки, а затем (с 1852 г.) был запрещен и этот «невинный» вид рыболовства. Для контроля за соблюдением этого запрета из числа отставных казаков назначались в каждом форпосте так называемые *смотрители за Уралом*. Они же должны были наблюдать за входом рыбы в Урал. В станичных водах, когда с наступлением морозов рыба залегала в глубокие места, на лед реки отправлялись специально уполномоченные общиной опытные *сторожевые казаки*, которые «зорко следили за ходом рыбы, зная каждый прошедший мимо их косяк, и где он остановился». Об этом передавали известия с одного конца в уральской линии до другого, и казаки всегда могли приблизительно оценить перспективы осенней плавни и багренья²⁹.

На время отсутствия какого-либо лова Войсковой канцелярией предписывалось держать каюки «на казенных дворах припечатанными»³⁰. В запретное время запрещалось также сплавать по р. Урал лес, лодки, баржи, а также вводить суда с моря в устье, устраивать переправы и проезды через реку, водопои для скота. Близ ятовых мест запрещалось разводиться костры, стрелять и вообще производить хоть какой-то шум³¹. Ответственность за соблюдением этих правил на р. Урал возлагалась войском на станичных и поселковых атаманов, постовых казаков и полесовщиков. Для охраны морского участка войско имело два парохода³².

В Области Войска Донского также существовал целый набор правил, способствующих охране рыбных ресурсов. Так, в 1898 г. Донским областным правлением были разработаны и высочайше утверждены особые временные правила о рыболовстве на р. Дон, впоследствии дополнявшиеся и регулировавшие места и время лова. Период с 18 марта по 11 апреля (по ст. ст.) считался запретным, а рыба, отловленная в это время, конфисковывалась начальником рыбной ловли. Контроль

²⁷ Семенцов М. В. Материалы по историческому природопользованию... С. 97.

²⁸ Данилевский Н. Я. Краткий очерк. С. 454.

²⁹ Там же.

³⁰ Данилевский Н. Я. Описание уральского рыболовства. С. 48–49.

³¹ Хорошихин Н. Краткое описание рыболовств... С. 27–28.

³² Там же.

за соблюдением правил лова возлагался также на старост, которые избирались на каждом участке, а также смотрителя с подчиненной ему командой³³. Строго регламентировались на Дону и способы лова рыбы: так, неводы нужно было забрасывать сверху вниз, плавные сети — по течению реки, постепенно спуская вниз, вторая плавная сеть могла использоваться только тогда, когда первая отходила на 100 саженей и пр.³⁴ Все эти меры должны были обеспечивать сохранность рыбных богатств в Дону и его притоках.

На Тереке в рыбном промысле также существовала система предписаний и ограничений, которые вырабатывались общинами. По поводу одного из распространенных здесь видов лова — *грóмки* — И. Д. Кузнецов писал: «Весь порядок громки — место, ее начало и конец плава, время, количество сетей, их качество и проч. — определяется соответственными станичными приговорами, устанавливающими вместе с тем и надлежащие взыскания за нарушения того или другого правила...»³⁵.

На Кубани инициативу по сохранению войсковых рыбных ресурсов активно проявляла государственная власть. В феврале 1819 г., когда из-за усиленного и нерационального лова рыбы стало заметно сокращаться ее количество, Сенат издал указ, запрещающий ловить рыбу крючьями в устье Дона, Кубани и других рек, впадающих в Азовское море. Запрещалось также ставить вентеря (снасти в виде ловушек) в гирлах (речных протоках), через которые проходила рыба в лиманы. Возможно, именно потому, что запреты исходили от верховной власти, которая была далеко, они практически не соблюдались, оставшись, по словам Ф. А. Щербины, лишь на бумаге³⁶. Что касается вольных станичных вод, то здесь строго наблюдали за тем, чтобы казаки ловили рыбу только для использования в домашнем быту, и как только это правило нарушалось, станичные общества вводили ряд ограничений³⁷.

Народные принципы организации рыбной ловли

Широкое распространение на Юге России коллективного пользования речными и морскими ресурсами обуславливало и общественный характер лова рыбы. Так, во всех казачьих войсках над всеми организационными формами преобладало артельное начало³⁸. И. В. Скворцов, описывая быт астраханских казаков, соотносил ловлю рыбы с жатвой хлебов, отмечая, что жители низовых станиц ожидают весну с таким же нетерпением, как посевицки летом ждет жатвы³⁹. Рыбный промысел, действительно, составлял важнейшую часть системы первичного производства на-

³³ Матишов Г. Г., Власкина Т. Ю., Венков А. В., Власкина Н. А. Социально-исторический портрет дельты Дона. С. 94.

³⁴ Там же. С. 94–95.

³⁵ Кузнецов И. Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. С. 4.

³⁶ Щербина Ф. А. История кубанского казачьего войска. С. 670.

³⁷ Семенов М. В. Материалы по историческому природопользованию... С. 97.

³⁸ Рыблова М. А. Артельное начало в организации рыболовного и охотничьего промыслов у русского населения Дона и Нижней Волги // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. № 5. С. 108–119. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5>

³⁹ Скворцов В. И. Историко-статистический очерк Астраханского казачьего войска. Саратов, 1890. С. 360.

селения Прикаспия и Приазовья, однако, согласно источникам, он не соотносился с жатвой хлебов. И это понятно, если вспомнить, что донские казаки долгое время сохраняли запрет на земледелие, а уральские — и в имперский период своей истории практически не сеяли хлебов. Рыбный промысел скорее соотносился с военным казачьим промыслом, который, кстати, также всегда был коллективным. Недаром терские казаки ловлю рыбы в местах ее нереста называли *боем*, а саму рыбу *боевой*⁴⁰. Осенний коллективный лов рыбы в станичных водах терцы называли *вольницей*, *гаем* (или *громкой*), отделяя его от ловли рыбы отдельными рыбаками-хозяевами⁴¹. Н. А. Хорошхин, описывая осеннюю плавню на Урале, называл ее участников *рыбным войском*⁴².

Действительно, организация плавни во многом напоминала выход казачьего войска в поход. Как на период военного похода избирался казаками походный атаман, так же избирался атаман плавни. В заранее назначенный день все ее участники (иногда до 2–3 тыс. человек) собирались на берегу с лодками-бударами и снастями. Будары плотно выстраивали перпендикулярно берегу, после чего начинался молебен (так же как совершался он при проходах казаков на службу). После этого участники плавни расходились к своим бударам и ожидали приказа *плавенного атамана*. По его знаку производился выстрел из пушки, после которого казаки, опережая один другого, старались как можно быстрее спустить свои будары в воду и, сев в них, грести по течению реки⁴³. Весьма показательно, что этот момент плавни назывался *ударом* — термином из военного лексикона. Вот как дальнейший ход плавни описывал Н. А. Хорошхин: «Впереди всех на бударе же плывет Атаман с выбранными войском *артаульными*, которые и удерживают войско, не позволяя выделяться отдельным бударам, чтобы дать более слабым гребцам прийти одновременно с передними к месту наибольшего скопа рыбы — ятови». Однако, когда до ятови оставалось 250–500 сажень, Атаман подавал сигнал, по которому началась гонка будар, в ходе которой «всякий старался прийти на ятов ранее, чтобы захватить рыбу»⁴⁴. Так же четко и по-военному было организовано у уральских казаков и *багрение* — лов рыбы на льду в зимнее время: с выбором *багрённого атамана* и его помощников (*державцев*), с началом лова по выстрелу пушки и пр.⁴⁵

Нередко отдельные виды лова рыбы приурочивались к определенным датам церковного календаря, связанным с поминовением тех или иных христианских святых. Терские казаки *вольницу-гай*, осуществляемую коллективно группами мужчин по 30–50 человек, приурочивали к празднику Николая Зимнего (6 декабря — день памяти св. Николая Чудотворца)⁴⁶. Возможно, так отражалась традиция собирать в этот день мужские пиры-братчины. Багренье рыбы в верховых терских станицах начиналось с Филиппова заговенья (14 ноября)⁴⁷. На Дону начало зимнего подлед-

⁴⁰ Кузнецов И. Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. С. 12.

⁴¹ Там же. С. 24.

⁴² Хорошхин Н. Краткое описание рыболовств... С. 12.

⁴³ Там же. С. 7–8.

⁴⁴ Там же. С. 8.

⁴⁵ Там же. С. 14.

⁴⁶ Кузнецов И. Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. С. 27.

⁴⁷ Там же. С. 26.

ного лова вентерями приближалось к кануну Рождества; проход сельди и начало рыболовецкого года — ко времени Великого поста и пр.⁴⁸

Правила и принципы раздела улова и потребления рыбы

При разделе рыбного улова казачьи сообщества также опирались на свои собственные представления и нормы. На Дону, в тех станицах, где в степных озерах ловили рыбу десятками, улов раскладывали на кучки по числу десятков и старались делить его «уравнительно, чтобы никого не обидеть». Не принимавшие участие в рыбной ловле не получали своей доли⁴⁹. Вместе с тем, по народным представлениям, в рыбном промысле при разделе улова (так же, как и при дележе водных угодий) была особенно желательной передача части улова малоимущим и обездоленным: старым людям, вдовам, сиротам и пр. Так, у донских казаков зафиксирован обычай *рыбных раздач*, практикуемый старыми казаками (их назывались *рыбалками*), которые после выхода в отставку уходили из семей, жили уединенно, вели благочестивый образ жизни и занимались рыбной. Они никогда не продавали рыбу, а раздавали ее безвозмездно. Об этом так писал очевидец: «Старики, имеющие приволоки... ходят ловить рыбу в Дон и заливы после полой воды; приезжая каюками к берегу, они раздают мелкую рыбу не только одиноким и безродным старушкам, питающимся милостыней, но и достаточным, приходящим к берегу и дому рыбалки. Продажи рыбы односельцам я никогда не слышал. Все просто бывало: как только увидели с горы едущие каюки после ночного рыболовства, к берегу идут и бедные и богатые; рыбалка, имеющий невод, раздает из части своей именно всякому, и никто порожний не возвращается. Приходящему нет стыда, а получает как будто от должника, а дающему нет греха и стыдится отказать...»⁵⁰.

В этой ситуации хорошо видно отношение к улову как к Божьему дару (здесь уместно вспомнить о христианской символике рыбы), который соотносится также и с общей долей, поступающей в очередной передел, осуществляемый старыми и благочестивыми людьми.

Поступление рыбы в общий удел могло осуществляться и другими способами: за счет ее коллективного лова и употребления в обрядовых практиках. Частью престольных праздников во многих донских станицах была коллективная рыбная ловля, приготовление ухи и совместное ее поедание за общим столом. В станице Мечетинской рыба, выловленная сообща накануне престольного праздника, раздавалась всем жителям («по известной части на каждую семью»), а из остатка готовилась уха для общинного обеда в пользу бедных людей, странников и «другого иногороднего люда»⁵¹. Полевые материалы, собранные автором в донских казачьих поселениях в XX столетии, свидетельствуют о том, что эта традиция сохранялась во многих донских станицах и хуторах до 1920-х гг.⁵² В советское время коллективный лов рыбы и совместное ее употребление также были важнейшей частью

⁴⁸ Власкина Т. Ю. Природные и социальные доминанты... С. 41.

⁴⁹ Харузин М. Сведения о казацких общинах на Дону. С. 64.

⁵⁰ И. Т. Из Донской старины. Записки священника Пивоварова // Казачий вестник. 1884. № 14.

⁵¹ Харузин М. Сведения о казацких общинах на Дону. С. 379.

⁵² Полевая запись Рыбловой М. А. 1988 г. в хут. Ярыженском Новоаннинского р-на Волгоградской обл. Инф. Пименова А. И. // Личный архив автора.

престольных праздников, причем такая трапеза воспринималось и как поминовение умерших предков: «Возле часовенки расстилали метров в пятьдесят холстину, раскладывали на ней хлеб, ложки, расставляли чашки с ухой, рыбой и приглашали собравшихся помянуть усопших родителей»⁵³.

Сходные обычаи были и у терских казаков. Они устраивали общественный лов сомов — *лопушины* — в декабре, когда Терек замерзал. Выловленную рыбу прямо на берегу делили, не забывая бедных и сирот. Дележ происходил вокруг пылающих костров. По его окончании начинались песни, пляски и *чихирьянье*, то есть употребление местного виноградного вина *чихиря*. Продолжались лопушины в течение всей ночи. На другой день рыбу развозили по домам, где ее солили, коптили и пр.⁵⁴

Среди уральских казаков потребление рыбы также было связано с христианской традицией. У них существовал обычай так называемого *благовещенского багренья*, которое проходило перед праздником Благовещения (25 марта) в течение двух-трех дней. Этот лов был учрежден для того, чтобы уральцы, во всей строгости соблюдающие посты, могли иметь свежую рыбу к празднику Благовещения, когда употребление ее разрешается церковью. Показательно, что вся рыба, выловленная в эти дни, употреблялась в пищу в домашнем быту и никогда не шла на продажу⁵⁵.

У уральских казаков существовала традиция передачи части улова рыбы для «высочайшего двора». Уже упомянутое выше багрение делилось здесь на две части: *казачье* и *презентное*. Последнее устраивалось в первый день лова и называлось сокращенно *презентом*, так как вся выловленная в этот день рыба (а также икра) отправлялась «по заведенному обычаю» к царскому столу⁵⁶. «Царский кус» формировался следующим образом: каждый участник багрения первого дня сдавал начальству всю пойманную им красную рыбу, «как бы она ни была ценна», получая в награду по 1 рублю за яловую и по 2 рубля за каждую икрюную рыбу, при этом вся «черная» рыба оставалась в собственности рыбака-баграча⁵⁷. Презентный день объявлялся войсковым праздником, устраивалось угощение икрой и травяным чаем⁵⁸.

Традиция уральцев выделять «царский кус» заслуживает особого анализа, так как демонстрирует связь с древними казачьими нормами, соблюдаемыми при разделе военной добычи (*дувана*). Исследователи уже обращали внимание на то, что у казаков не существовало равенства в распределении дувана, а также на то, что особые права в этой процедуре имел предводитель — атаман (даже если не участвовал в походе)⁵⁹. Так, донские атаманы С. Разин и К. Булавин еще до начала дувана оговаривали себе особую долю. На дуване после захвата казаками Астрахани Разина не было, однако «ему де, Стеньке, принесли, что ему понадобилось»⁶⁰. После раз-

⁵³ Апраксин В. А. Казачья старина. Волгоград, 2010. С. 203.

⁵⁴ Ольшевский М. Я. Кавказ с 1841 по 1866 г. // Русская старина. 1893. С. 599; Великая Н. Н. Роль рыбной ловли у гребенских казаков в дореволюционный период // Этнографическое обозрение. 2013. № 5. С. 33.

⁵⁵ Данилевский Н. Я. Описание уральского рыболовства. С. 108–109.

⁵⁶ Хорошихин Н. Краткое описание рыболовств... С. 27–28.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 28.

⁵⁹ Усенко О. Г. Некоторые черты массового сознания донского казачества в XVII — начале XVIII в. («субидеологические» представления, установки, стереотипы) // Казачество России: прошлое и настоящее. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2006. С. 94–95.

⁶⁰ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: в 2 т. Т. 1. М., 1954. С. 256–257.

грома Сумского казачьего слободского полка повстанцами К. Булавина атаману, по его приказанию, были доставлены захваченные в качестве воинской добычи кони и «рухлядь»⁶¹. Выделение части рыбного улова для «царского презента» на Урале, по всей видимости, было связано с «атаманским статусом» царя (2 марта 1881 г. атаманом всех казачьих войск был назначен цесаревич Николай Александрович, а с 30 июля 1904 г. — цесаревич Алексей Николаевич) и в целом с казачьей традицией наделения долей добычи старшего, предводителя.

Подводя итог, можно констатировать, что, несмотря на участие в организации рыбных промыслов официальных структур (государственных и ведомственных), в их основу были положены собственно народные представления о правильном пользовании природными ресурсами, в которые не вложен человеческий труд, а также о справедливом их распределении. Во всех казачьих войсках, за исключением Уральского, происходил постепенный переход от вольного пользования водными ресурсами к уравнильно-передельному с учетом интересов только казачьего населения региона, а также казачьих вдов и сирот. В Уральском казачьем войске изначально сложились и сохранялись до начала XX в. древние принципы уравнительного пользования водными угодьями.

Анализ способов раздела рыбного улова показал, что в традиции казаков долгое время сохранялось отношение к нему как к Божьему дару, который именно в силу этого должен распределяться в высшей степени справедливо. При этом отчетливо просматривается обрядовый характер и раздела улова, и его потребления. При распределении рыбы основополагающими были народные представления о коллективной (общинной) доле и ее символическом распределении путем выделения трех особых «кусков»: царского (на Урале), церковного и на помин умерших, а также для обездоленных категорий казачьего населения (во всех войсках).

Проявляли казачьи сообщества чрезвычайную заботу и о сохранности рыбных ресурсов, определяя сроки лова, типы орудий, вводя множественные запреты и предписания. Организация многих видов рыбной ловли в регионе находит аналогии с организацией военного казачьего промысла.

Несмотря на вмешательство государственных и ведомственных органов власти, народные принципы организации рыбных промыслов сохранялись у казаков Приазовья и Прикаспия в течение всего имперского периода их истории. В это время происходило постепенное разрушение многих казачьих традиций, в первую очередь в системе управления, однако в глубинах народного быта и в системах первичного производства они сохранялись вплоть до первой четверти XX в., отражая собственно народные представления о правильно и справедливо организованной жизни.

References

- Dubovikov A. M. Rybolovstvo kak istoricheskii fenomen v povsednevnoi kul'ture Ural'skogo (Iaitskogo) kazach'ego voiska. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2011, no. 4 (60), issue 2, pp. 273–280. (In Russian)
- Godovova E. V., Kabytov P. S. Rybnyi promysel v povsednevnoi zhizni kazakov (vтораia polovina XIX — nachalo XX v.). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia. Pedagogika. Filosofii*a, 2017, vol. 24, no. 4, pp. 12–16. (In Russian)

⁶¹ Булавинское восстание (1707–1708). М., 1935. С. 202, 298.

- Kumantsov M. I. *Vozniknovenie i razvitie rybolovstva Severnogo Prichernomor'ia, ch. 1*. Moscow, VNIRO Publ., 2011, 236 p. (In Russian)
- Kuryshv A. V. Rybnyi promysel u kazakov Volzhskogo voiska. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 5, pp. 21–28. (In Russian)
- Kuznetsova A. S. *Stanovlenie i razvitie azovskikh rybolovnykh promyslov na Kubani (XVIII–XX vv.)*. Slavyansk-on-Kuban, Slavyansk-on-Kuban State Pedagogical Institute Press, 2009, 159 p. (In Russian)
- Matishov G. G., Vlaskina T. Yu., Venkov A. V., Vlaskina N. A. *Social'no-istoricheskii portret del'ty Dona: kazachii khutor Donskoi*. Rostov-on-Don, UFRC RAS Press, 2012, 216 p. (In Russian)
- Nadezhdin N. I. Ob etnograficheskom izuchenii narodnosti Russkoi. *Zapiski Russkogo Geograficheskogo Obshchestva, vols 1–2*. St. Petersburg, Tip. Imp. akad. nauk Publ., 1849, pp. 149–194. (In Russian)
- Ryblova M. A. Artel'noe nachalo v organizacii rybolovnogo i ohotnich'ego promyslov u russkogo naseleniia Dona i Nizhnei Volgi. *Vestnik VolGU, seriia 4: Istoriia. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniia*, 2022, no. 5, pp. 108–119. (In Russian)
- Sementsov M. V. Materialy po istoricheskomu prirodopol'zovaniuu kubanskikh kazakov (II polovina XIX — nachalo XX v.). *Kubanskii sbornik*. Krasnodar, Kniga Publ., 2008, vol. 3 (24), ch. I, pp. 73–118. (In Russian)
- Usenko O. G. Nekotorye cherty massovogo soznaniia donsokogo kazachestva v XVII — nachale XVIII v. ("subideologicheskie" predstavleniia, ustanovki, stereotipy). *Kazachestvo Rossii: proshloye i nastoiashchee, issue 1*. Rostov-on-Don, SSC RAS Press, 2006, pp. 85–108. (In Russian)
- Velikaya N. N. O roli rybolovstva u grebenskikh kazakov v dorevoljucionnyj period *Etnograficheskoye obozrenie*, 2013, no. 5, pp. 28–36. (In Russian)
- Velikaya N. N., Yemelyanov O. B. O prichinah upadka rybolovstva v kazach'ih stanicah Terskogo levoberezh'ja v pervoj polovine XIX v. *Istoriia i kultura narodov Severnogo Kavkaza. issue 3*. Pyatigorsk, 2005, pp. 69–76. (In Russian)
- Vlaskina T. Y. Prirodnye i social'nye dominanty formirovaniia etnograficheskogo svoeobraziia rybolovov donsokoi del'ty (XVIII–XXI vv.). *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 5, pp. 36–53. (In Russian)
- Yamskov A. N., Vlaskina T. Y. Ryboloveckie soobshhestva i traditsionnoe rybolovstvo na kazach'em iuge Rossii. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 5, pp. 3–13. (In Russian)
- Yuzhakova T. L. Tradicii v rybolovstve kazachestva na reke Ural (rubezh XIX–XX vekov). *Kulturnaia zhizn Yuga Rossii*, 2008, no. 4 (29), pp. 67–70. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 25 января 2023 г.

Рекомендована к печати 3 мая 2023 г.

Received: January 25, 2023

Accepted: May 3, 2023